

Отзыв
на автореферат диссертации Яценко Татьяны Сергеевны на
соискание ученой степени доктора юридических наук на тему:
«Гражданско-правовая охрана публичных интересов» по
специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское
право; семейное право; международное частное право

Докторская диссертация Татьяны Сергеевны Яценко посвящена научной проблеме, имеющей важное значение как для развития теории гражданского права, так и для совершенствования законодательного регулирования вопросов, связанных с существованием публичных интересов как объекта правовой охраны, в том числе гражданско-правовыми средствами. Актуальность темы исследования и практическая значимость не только содержащихся в диссертации выводов и предложений соискателя, но и проведенного ею анализа теоретических источников и опыта законодательного регулирования соответствующих отношений, не вызывают сомнения.

Согласие вызывают отмечаемые диссертантом «проблема удовлетворения частных интересов за счет умаления публичных, причинения им вреда» (с. 21) и практически общемировая объективно обусловленная «тенденция к усилению гражданско-правовой охраны публичных интересов» (с. 39). В то же время для казахстанского права признание этой проблемы и разворот в правовом развитии для следования в фарватере этой тенденции еще остается желаемой, но пока не признанной перспективой: сегодня мы можем только наблюдать подчеркиваемое соискателем в ее монографии такое явление, когда «государство умышленно потворствует и всячески содействует снижению интереса к общим делам, поскольку стремится передать как можно больше своих функций и обязанностей в сферу частных интересов» (См. Яценко Т.С. Гражданско-правовая защита публичных интересов: Монография. / Под науч. ред. В.С. Ема. – М.: Статут, 2016. – 312 с. с. 18). Мы полностью разделяем точку зрения диссертанта о том, что такой процесс имеет весьма ощутимое негативное последствие.

Безусловную поддержку заслуживает критическое отношение соискателя к достаточно распространенной точке зрения о том, что «публичные интересы обеспечиваются публичным правом, тогда как призвание частного права составляет охрана частных интересов» (с. 20). Содержание автореферата свидетельствует о том, что соискателю удалось вполне убедительно обосновать объективность наличия и содержания гражданско-правовых норм, направленных на обеспечение публичных интересов и их охрану. Обоснованным представляется мнение соискателя о том, что эта объективность обуславливается социальной функцией самого гражданского права. Полное согласие вызывает позиция автора о необходимости системного подхода при воздействии на общественные отношения для достижения ожидаемого эффекта в вопросах правовой

охраны социально значимых интересов и обеспечения правопорядка в гражданском обороте (с. 39)

Соискатель убедительно аргументирует тезис о том, что социальная функция гражданского права обуславливает установление правовых средств воздействия на субъектов с целью охраны публичных интересов (с.34). Причем, не возникает сомнений в обоснованности ее утверждения (и необходимости всегда учитывать его на каждом историческом отрезке времени) о непостоянстве содержания подлежащих в этом случае применению способов гражданско-правового регулирования, осуществляемого с целью охраны публичных интересов, которое «меняется сообразно реалиям политического, экономического, социального, культурного и духовного состояния человеческого общества на разных этапах его развития»: соискатель справедливо отмечает, что такие факторы оказывают воздействие на поведение современного человека и существенно влияют на содержание запретов и ограничений, отражаемых в современном гражданском законодательстве (с.38-39).

В этом контексте представляется также обоснованным ее вывод о том, что «в отличие от общего направления воздействия гражданского права на регулируемые им общественные отношения, осуществляемое с целью охраны публичных интересов воздействие весьма специфично и направлено на то, чтобы ограничить в данных интересах свободное усмотрение субъектов» (ст. 36). В этой связи думается, что заслуживают серьезного внимания выводы и предложения соискателя о значении и природе законодательных норм, запрещающих обход закона, в сопоставлении с запретом злоупотребления правом, также являющимся правовым средством воздействия (с. 43 – 44).

В настоящее время в казахстанском юридическом сообществе активно обсуждаются перспективы придания большего правового и практического значения этим двум способам гражданско-правового регулирования поведения участников оборота. И если в отношении запрета на злоупотребление правом обсуждение концентрируется вокруг вопроса о пределах, за которыми должно признаваться такое злоупотребление, то собственно сама концепция обхода закона и, тем более, установление в законе конкретных последствий совершения действий в обход закона вызывают диаметрально противоположную реакцию – от неприятия отражения в законе самой концепции действий в обход закона до поддержки позиции о принципиальной недопустимости таких действий с установлением существенных негативных правовых последствий совершения таких действий. Результаты исследования Т.С. Яценко по этим вопросам позволяют получить ясное понимание различий в природе этих двух способов воздействия на субъектов оборота и необходимости регламентации оснований, условий и последствий применения их обоим, но каждого из них – для использования в различных обстоятельствах и для решения разных задач. Причем, как обоснованно предполагает диссертант, именно запрет на обход закона «в потенциале мог бы быть использован в качестве

универсального способа предупреждения разнообразных нарушений назначения гражданско-правовых институтов со стороны участников оборота» (с.44).

Что касается злоупотребления правом, то соискатель вполне убедительно объясняет, что таковое означает недобросовестное осуществление субъектом принадлежащего ему субъективного права, нарушение им пределов правопользования (с. 44). В контексте осуществления субъективных прав и охраны публичных интересов полное согласие вызывают ее выводы о том, что «признание и защита субъективных прав в гражданском праве могут ставиться в зависимость от исполнения управомоченным лицом определенных обязанностей как активного, так и пассивного типа, которые налагаются на него в публичных интересах. Неисполнение таких обязанностей способно, в свою очередь, привести к прекращению соответствующего субъективного права» (с. 31).

Некоторые другие выводы Т.С. Яценко, однако, представляются дискуссионными.

1. В частности, если вывод о том, что «риск антисоциального поведения обуславливает формирование в гражданском праве механизмов ответственности за него и предупреждения его проявлений», не вызывает возражений, то труднее согласиться с категоричностью позиции о том, что именно наличие этого риска обусловило необходимость обеспечения и охраны публичного интереса (с. 18). Думается, что такая необходимость все-таки обусловлена самим фактом существования публичного интереса: представляется, что с появлением частного интереса интерес публичный (общий для данного сообщества субъектов) не исчез, он сохранился как самостоятельный объект правовой охраны. Причем, как справедливо отмечает соискатель, на отдельных этапах общественного развития, содержание правовых норм, направленных на обеспечение и охрану публичного интереса, различается. И именно объективность существования публичного интереса обуславливает законодательное обеспечение существования и охрану публичного интереса, а не риск антисоциального поведения субъектов гражданского оборота.

2. Ознакомление с авторефератом формирует впечатление о том, что соискатель недостаточно последовательна в выражении и отстаивании своей позиции относительно того, что составляет публичный интерес. В частности, если сначала можно понять, что она рассматривает публичный интерес как интерес общественный (с. 18 – 20), основываясь на тезисе о наличии у гражданского права такого свойства, как «общественность» (с. 20), то далее она определенно относит к публичному интересу и государственные интересы, и общественные интересы, а также иные интересы (определяя их как «интересы персонифицированных групп» или «групповые интересы») (с. 24-25). Причем в первую очередь к публичному интересу она относит «интерес публичного образования (очевидно, прежде всего, государства? – Ф.К.) в конкретном частноправовом отношении» (с. 25).

Однако, если ставить знак равенства между публичными интересами и

интересами государства, то, думается, нарушится принцип равноправия субъектов в гражданском обороте, равного отношения к ним в вопросах осуществления и защиты гражданских прав. Ведь государство в гражданском обороте признается равноправным с другими его участниками субъектом, причем – имеющим свои интересы. И эти государственные интересы нередко противоположны (в любом случае, они могут быть иными) интересам граждан и негосударственных юридических лиц. Можно согласиться с тезисом соискателя о том, что государство «в конечном итоге представляет публичные интересы любого уровня», подлежащие гражданско-правовой охране (с. 22). Однако обеспечение публичного интереса является не столько правомочием или интересом государства, сколько его обязанностью.

Автор права в том, что публичные интересы подлежат правовой охране от антисоциального поведения субъектов оборота. Вместе с тем, государственный интерес не может быть таким публичным интересом, ибо реализация государственного интереса также может быть антисоциальным поведением. Более того, государство может пренебрегать своими обязанностями, умаляя публичный интерес.

В связи с этим к публичному интересу было бы более целесообразным относить нечто более объективное, объективно существующее и отделяемое от интереса отдельных участников оборота, включая государство, и их групп. Представляется целесообразным основывать публичный интерес на концепции общего (или общественного) блага, интересов всего общества и, хоть и идеально, каждого его члена. Нет возражений в том, что государством может представляться такой публичный интерес, но присущим он может быть только обществу как единому субъекту, являющемуся, помимо прочего, и источником возникновения государства, не столько наделяемому правами государственного управления, сколько обязанному обеспечивать и охранять этот публичный интерес. С исчезновением первобытно-общинного строя, возникновением частной собственности и государства община не исчезла. Следовательно, сохраняется и интерес общины (публичный интерес). И этот интерес является чем-то иным по сравнению с интересами государства и интересами отдельных негосударственных субъектов гражданского оборота или их групп (в том числе групп, формируемых за счет участия в них и государства и частных лиц), а посему подлежащим особой правовой охране, в том числе посредством гражданско-правового регулирования.

3. С учетом изложенного выше, дискуссионным является и предлагаемая соискателем идея многоуровневости публичного интереса (с. 24 – 26). О нецелесообразности их объединять или ставить знак равенства между государственными и публичными интересами отмечено выше. Однако и приравнивать «групповой интерес» (причем, как понимается, объединенных общим для данной группы интересом) отдельных субъектов гражданского оборота к публичному интересу представляется не обоснованным. В данном случае, думается, что сохранение определенности, стабильности и твердости гражданского оборота, обеспечение надлежащего правопорядка и составляет публичный интерес, который обеспечивается и

охраняется, помимо прочего, регулированием групповых интересов за счет механизмов воздействия, предусмотренных гражданским законодательством, и достаточно всесторонне проанализированных соискателем в диссертации (как это может быть понято из содержания автореферата. В связи с этим представляется, что рассматриваемые соискателем «групповой интерес» или «интересы персонифицированных субъектов», как и отдельных субъектов / объектов публичного интереса, более целесообразным является не относить к публичному интересу, а рассматривать как объект специального регулирования в целях обеспечения и охраны публичного интереса.

Изложенные выше замечания носят характер научной дискуссии и не влияют на общую положительную оценку осуществленного соискателем исследования. Диссертация Т.С. Яценко представляется законченным исследованием на актуальную тему с достойными внимания и научного обсуждения выводами и предложениями, имеющими теоретическое значение и практическую значимость. С учетом этого считаю, что соискатель Татьяна Сергеевна Яценко заслуживает присуждения ей ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Карагусов Фархад Сергеевич,
главный научный сотрудник
Института частного права
Каспийского университета
(г. Алматы, Казахстан),
д.ю.н., профессор

27 октября 2016 г.

«Подпись Ф.С. Карагусова заверяю»

Алимов А.В. вед. специалист

